

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 323(47+57)

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Criminal Law Policy of Counteracting Crimes against Property

РАГОЗИНА Ирина Григорьевна – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омской юридической академии, кандидат юридических наук, доцент (Омск)

Ragozina Irina G. – Head of Criminal Law and Criminology Department, Omsk Law Academy, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Omsk)

ragoig@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена современному состоянию уголовно-правовой политики противодействия преступлениям против собственности. Анализируются ее основные направления, такие как правотворчество и правоприменение. Автором исследуются вопросы унификации и дифференциации уголовной ответственности за преступления против собственности. Сделан вывод об отсутствии единообразного подхода к конструированию уголовно-правовых запретов, предусматривающих уголовную ответственность за посягательство на чужую собственность.

The article is devoted to the current state of the criminal law policy of counteracting crimes against property. The focus is made on its main directions, such as law-making and law enforcement. The issues of unification and differentiation of criminal liability for crimes against property are under study. The author draws the conclusion that no unified approach is used when producing criminal law prohibitions criminalizing encroachment on someone else's property.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, преступления против собственности, уголовно-правовой запрет, уголовная ответственность, унификация, дифференциация, правотворчество, правоприменение.

Criminal law policy, crimes against property, penal prohibition, criminal liability, unification, differentiation, lawmaking, law enforcement.

DOI: 10.19073/2306-1340-2016-2-35-38

Преступления против собственности с уверенностью можно отнести к числу классических, или так называемых традиционных, пре-

ступлений. Это подтверждается тем, что еще в Русской Правде Ярослава Мудрого, состоящей из 43 статей, 16 из них были посвящены

преступлениям против собственности [5, с. 47–49].

Такой подход законодателя вполне объясним. Собственность является экономической основой существования любого государства независимо от исторического этапа его развития, политического режима и других обстоятельств. Право быть собственником – одно из основных прав, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека. Обеспечение эффективной защиты собственности, в том числе и уголовно-правовыми мерами, является задачей любого государства, и Россия в этом случае не является исключением.

Вопросам уголовно-правовой охраны собственности в теории права уделяется значительное внимание. Однако это не свидетельствует о том, что проблем с применением данных запретов становится меньше. К сожалению, статистика говорит о стабильно высоком количестве хищений имущества, которые составляют около половины всех зарегистрированных преступлений. По данным Главного информационного аналитического центра МВД России, в 2011 г. зарегистрировано 2404,8 тыс. преступлений, из них 1466,9 тыс. – посягательства на собственность, в 2012 г. соответственно – 2302,2 тыс. и 1400,0 тыс., в 2013 г. – 2206,2 тыс. и 1304,6 тыс., в 2014 г. – 2166,4 тыс. и 1238,2 тыс., в 2015 г. – 2388,5 тыс. и 1397,4 тыс. [6]

В условиях социальных, экономических, политических и иных реформ корыстная преступность приобретает все более негативные количественные и качественные характеристики, организованные формы, элементы криминального профессионализма, что требует адекватных мер борьбы с ней.

Заметим, что составы преступлений против собственности до недавнего времени отличались достаточной стабильностью, что обеспечивало эффективность их применения. Изменения, вносимые в статьи, чаще всего были обусловлены общими изменениями уголовного законодательства, такими как, например, исключение из уголовного закона квалифицирующего признака, предусматривающего неоднократность совершения преступлений, критериев оценки размера причиненного ущерба, видов и размеров наказаний.

В ноябре 2012 г. законодатель дополнил главу 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) сразу шестью составами мошенничества (ст.ст. 159.1–159.6), появление которых вызвало широкую дискуссию в теории права и по-

будило автора обратиться к проблемам уголовно-правовой охраны собственности. Попытаемся дать оценку этим изменениям исходя из основных направлений уголовно-правовой политики.

В рамках статьи мы не ставим своей целью рассмотреть все доктринальные подходы к самому определению уголовной политики. Остановимся лишь на некоторых из них. По мнению А. И. Коробеева, А. В. Усса и Ю. В. Голика, уголовная политика в ее традиционном понимании есть генеральная линия, определяющая основные направления, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного, уголовно-процессуального, исправительного законодательства, практики его применения, а также путем выработки и реализации мер, направленных на предупреждение преступлений [1, с. 7]. Как правило, в юридической литературе выделяют два основных направления уголовно-правовой политики – правотворчество и правоприменение. Л. Л. Кругликов и А. В. Василевский, кроме этого, к одному «из генеральных направлений уголовно-правовой политики любого цивилизованного общества в сфере борьбы с преступностью» относят дифференциацию ответственности [2, с. 48]. Одним из оснований дифференциации, по их мнению, с которым нельзя не согласиться, выступает характер и типовая степень общественной опасности преступления [2, с. 67].

Сегодня вместо одной статьи, предусматривающей ответственность за мошенничество, мы имеем семь, одна из которых уже признана не соответствующей нормам Конституции Российской Федерации.

Из чего исходил законодатель, «клонировав» классическое мошенничество на шесть его разновидностей, остается загадкой. Если исходить из размера санкций, основанием дифференциации явилась общественная опасность мошеннических действий в различных сферах общественных отношений. Однако почему, например, мошенничество в сфере кредитования или предпринимательской деятельности оказалось «дешевле» на 2 года лишения свободы, чем классическое мошенничество, понять достаточно сложно. Из диспозиций новых норм следует, что в четырех случаях законодатель провел дифференциацию с учетом специфики тех общественных отношений, которые подвергаются криминальному воздействию (мошенничество в сфере кредитования, в сфере предпринимательской деятельности, в сфере страхования, в сфере

компьютерной информации), а в двух – исходя из способа (при получении выплат и с использованием платежных карт). Складывается впечатление, что новые статьи родились в силу того, что увеличилось количество преступных посягательств в выделенных законодателем сферах. Например, выплаты материнского капитала неизменно повлекли за собой разработку преступных схем, направленных на неправомерное завладение им, что и привело к установлению уголовной ответственности за мошенничество при получении выплат. Но в таком случае с учетом последних событий можно говорить о необходимости дифференциации уголовной ответственности в сфере туристического бизнеса, оказания медицинских услуг, и этот перечень можно продолжать дальше. Мошенничество – это всего лишь одна из шести форм хищения. Почему же именно она попала в зону дифференциации, а не присвоение или растрата, которые могут иметь место и при производстве выплат, и в сфере предпринимательской деятельности?

Свое отношение к проведенной дифференциации высказал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 11 декабря 2014 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа». В указанном Постановлении отмечается, что установление мер, направленных на защиту собственности от преступных посягательств, Конституция Российской Федерации возлагает на федерального законодателя, предоставляя ему достаточно широкую свободу усмотрения, но одновременно обязывая его руководствоваться имеющими универсальное значение и по своей сути относящимися к основам конституционного правопорядка общими принципами юридической ответственности, включая принципы юридического равенства и правовой определенности. С учетом того, что законодатель, устанавливая ответственность за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, установил уголовную ответствен-

ность меньшую, чем предусмотрено ст. 159 УК РФ, а крупный и особо крупный размер причиненного ущерба, напротив, увеличил по сравнению с классическим мошенничеством, данная норма в этой части признана неконституционной [4]. Полагаем, что и оставшиеся нормы ждет такая же участь. Это дело времени.

Проведенная дифференциация порождает еще ряд вопросов. Так, из диспозиции ст. 159.6 УК РФ следует, что мошенничеством в сфере компьютерной информации признаются действия, совершаемые путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Как же быть в данном случае с позицией Верховного Суда Российской Федерации, нашедшей отражение в Постановлении от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [3], относительно того, что использование похищенной платежной карты (которая, заметим, является источником компьютерной информации) путем снятия наличных средств в банкомате следует признавать кражей? Видимо, необходимо в очередной раз констатировать, что постановления Пленума Верховного Суда носят лишь рекомендательный характер, и обратиться непосредственно к закону.

Дифференциация ответственности может заключаться не только в создании новой нормы, но и в установлении квалифицирующих обстоятельств. Мы поддерживаем позицию законодателя, который увидел повышенную общественную опасность в мошеннических действиях, повлекших лишение права гражданина на жилое помещение, но такого права потерпевший может лишиться и в результате вымогательства, однако этот момент законодатель упустил из виду.

На наш взгляд, дифференциация уголовной ответственности – одно из важных направлений уголовной политики, способное с наибольшей полнотой отражать все обстоятельства преступного поведения. Только проводиться подобного рода дифференциация должна взвешенно, с учетом всех необходимых оснований.

Библиографический список

1. Коробеев, А. И. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы / А. И. Коробеев, А. В. Усс, Ю. В. Голик. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. – 236 с.
2. Кругликов, Л. Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, А. В. Василевский. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 300 с.

3. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 27 дек. 2007 г. № 51 // Рос. газ. – 2008. – 12 янв.

4. По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа [Электронный ресурс] : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 11 дек. 2014 г. № 32-П // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный.

5. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – Т. 1. Законодательство Древней Руси. – М. : Юрид. лит., 1984. – 432 с.

6. Состояние преступности [Электронный ресурс] // Офиц. сайт М-ва внутр. дел Рос. Федерации. – Режим доступа: <https://mvd.ru/folder/101762/4/> (дата обращения: 11.03.2015).